

№ 1524.

Годъ XXX.

Реданція и администрація:

Всесвѣтскій пер. в.

Контора редакціи (Саломая ул. 22) открыта для приема подписки, объявлений и выдачи №№ журнала ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10 час. утра до 6 час. веч.

11 апрѣля

1898.

Цена за годъ со всеми прилож. и преміями:

быт. 15 р., съ доп. 17 р., съ пер. 18 р.
доч. въ Сиб. въ иностр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

за строку въ одинъ столбецъ, нонпарели 30 коп., за рекламы 1 руб.

Томъ LIX.

№ 16.

штатной службѣ, и потому пришлѣ съ заверб- нать въ ихъ оградѣ кого пошло. Лишь бы умѣть трубить, а трубы пришлось купить у торговцевъ старымъ механическимъ ломомъ. За тру- бачами слѣдовалъ дипломатическій корпусъ въ каретахъ; но кареты эти тоже были наемныя и весьма не блестящаго вида, и между ними одна, какъ изъ смѣху, выделялась своимъ богатствомъ и изяществомъ. Позади дипломатовъ ѣхали министры, — эти уже просто на просто кто въ чемъ, потому что экипажей больше не достали. За ми- нистрами ѣхала верхами гвардія директоріи, съ вязанками сѣна на крупахъ коней. За гвардіею — секретарь отоманскаго посольства Кодрика въ экипажѣ, именовавшемся въ то время „demi-fortune“; зади него стояло двое турецкихъ ра- бовъ. Потомъ двигались экипажи съ греками и армянами, которые въ то время постоянно толк- лись въ Тиволі и въ Пале-Рояль. Зади нихъ ѣхали офицеры и генералы, затѣмъ лошади съ конюшнями посланника, и, наконецъ, самъ послан- никъ, Эссейдъ-Али-Эфенди, на прекрасномъ араб- скомъ конѣ, въ разукрашенной сбруѣ. За нимъ, въ качествѣ почетной стражи, слѣдовали отря- ды французской и турецкой кавалеріи; тѣ и другіе кавалеристы были, конечно, французы, а костюмы турецкихъ были взяты на этотъ слу- чай изъ гардеробной опернаго театра. Уличная толпа была совершенно довольна этимъ корте- жемъ и вообще никто, кажется, въ то время не назвалъ въ немъ ничего удивительнаго, кроме развѣ самого посланника, который, поведено- му, немощно дулся, но вида, однако, не по- казывалъ.

Ор. Мисель

Новости заграничной литературы

Последнее произведение А. Доде. — Новинки нѣмецкой французской литературы: повѣсть Терье, рассказы Лоти и Фолей. — Трагедія Предтечи. — Апостолы Гауптмана. — Новинки нѣмецкой литературы: стихи Гейзе, рассказы фонъ-Саара и Линдау. — „Мертвый городъ“ д'Ан- нунціо. — Подложная переписка Мопассана. — Рус- ская литература за границей.

Не такъ давно закончился печатаніемъ въ „Il- lustration“ и выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ послѣдній романъ Доде „Soutien de famille“, кор- ректуру котораго покойный романистъ держалъ въ самый день своей смерти. „Опора семьи“ — это герой романа, Раймондъ Эделлингъ. Его отецъ, умирая, завѣщалъ ему заботиться о семьѣ, и съ этою цѣлью молодой человѣкъ получаетъ обра- зование въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ (гимназій), тогда какъ остальные члены семьи готовятся быть техниками. Чтобы стать дій- ствительно „опорой семьи“, Раймондъ долженъ сдѣлать карьеру, и ради этой карьеры онъ жертвуетъ всѣмъ: не только онъ не помогаетъ матеріально своей семьѣ, но еще беретъ отъ матери деньги, зарабатывая его младшимъ бра- томъ и сестрой; онъ отказывается отъ брака съ искренне полюбившей его дѣвушкой, Женевьевой Изоаръ, дочерью стараго честнаго республикан- ца; онъ бѣгаетъ по приемнымъ и гостиницъ, сильныхъ міра сего и попутно творитъ мно- жество мелкихъ и крупныхъ подлостей. Подъ ко- нецъ Раймондъ не выдерживаетъ своего долга — быть „опорой семьи“; карьера ему не удается, и онъ ѣдетъ отбывать воинскую повинность въ Индо-Китай за своего брата. Но и тутъ вовсе не великодушныя соображенія побуждали его къ этому поступку: Раймондъ бѣжалъ оттого, что Женевьева должна была стать матерью, и онъ боялся гнѣва Изоаръ. Такова интрига романа. Она дала автору благодарную канву для блестя- щей общественной сатиры. Передъ читателями проходятъ вереницы продажныхъ министровъ, журналистовъ, испорченныхъ молодыхъ людей, поетовъ, служащихъ въ тайной полиціи; на- конецъ, — что представляетъ особый интересъ для русскаго читателя, — въ „Опорѣ семьи“, очень живо и правдиво описаны радикальные кружки эмигрантовъ, живущихъ въ Парижѣ, и среди нихъ одна русская Софія Кастаніозова. Въ об- щемъ, романъ — полная жизни сатира на молодую Францію, заставляющая вспомнить о лучшихъ произведеніяхъ Доде, вроде „Безсмертнаго“ и „Сафо“. Передъ смертью творческій даръ писа- теля, начинавшій уже какъ будто слабѣть въ предыдущихъ произведеніяхъ, вдругъ снова вспыхнулъ съ прежнею силой.

Недавно избранный въ академики, Андѣ е Терье выпустилъ надихая новую повѣсть „Deuil de veuve“. И въ этой повѣсти, какъ въ большин- ствѣ своихъ произведеній, Терье выказываетъ

собою искуснымъ эротическимъ писателемъ. Госпожа Мэвъ овдовѣла послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливой замужней жизни. Она поселяет- ся вмѣстѣ съ пятилѣтнимъ сыномъ и служи- нкой на виллѣ, которую устранила вмѣстѣ со своимъ покойнымъ мужемъ, и здѣсь предается своимъ траурнымъ воспоминаніямъ. Г-жа Мэвъ была любима очень нѣжно, и вдовство тяготитъ ее, хотя она этого не сознаетъ. Ея оплакиваніе мужа, въ сущности, состоитъ въ эротическихъ воспоминаніяхъ и прежней любви. Этимъ ея возмущеннымъ состояніемъ воспользовался одинъ гуляка-музыкантъ, который сталъ доволь- но грубо ухаживать за вдовой. Сначала онъ по- терпѣлъ неудачу, но вскорѣ вдова сдалась. Ея поражение обошлось ей дорого. Музыкантъ ока- зался женатымъ и вскорѣ бросилъ свою новую жертву, и г-жа Мэвъ снова погрузилась въ свой трауръ. Повѣсть Терье — превосходный психоло- гическій этюдъ, объясняющій — какимъ образомъ порой женщина падаетъ, не любя, единственно благодаря возбужденной чувственности.

Другой крупный эротическій писатель Фран- цій, Пьеръ Лоти, въ послѣднемъ сборникѣ сво- ихъ рассказовъ „Figures et Choses qui passent“ измѣняетъ своей любимой темѣ. Не любовь, но смерть и тоска витаетъ надъ его послѣдней книгой. Въ этотъ сборникъ вошли послѣдніе рас- сказы автора „Госпожи Хризантемъ“. Это порой путевыя замѣтки по странѣ басковъ, воспоми- наніе о прежнихъ путешествіяхъ, порой чисто беллетристическіе рассказы. Но всѣ эти очерки и повѣсти отличаются тѣмъ свойственнымъ только Лоти гармоническимъ языкомъ и тою образностью, которая запечатлѣвается на вѣкъ описаннымъ имъ вещи. Изъ отдѣльныхъ рас- сказовъ этого сборника стоитъ отмѣтить „Passage d'enfant“ — поэтическую элегію на смерть ребенка, „Un vieux missionnaire d'Annam“ — самоотвержен- ное геройство стараго священника, не захотѣв- шаго покинуть свою пастыря въ такую тяжелую минуту, когда озлобленное азіатское населеніе избило миссіонеровъ, и въ особенности малень- кую исторію „Le mur d'en face“, какъ бы напи- санную на пушкинскую тему: „привычка свыше намъ дана — замѣна счастью она“.

Напротивъ, свѣтлымъ остроуміемъ, блестятъ книги молодого писателя Шарля Фолей (Charles Foley) — „Petites amoureuses“. Его исторія — т- личается здоровымъ юморомъ, бодрымъ настро- еніемъ и, что рѣдко для француза, въ нихъ мало скабрезнаго. „Petites amoureuses“ напоми- наютъ немногую манеру „Пестрыхъ рассказы“ нашего Чехова. Только у А. П. Чехова всегда есть что-то болѣзненное, какое-то тяжелое, ту- манное настроеніе; у Шарля же Фолей чисто юж- ное, прозрачное веселье. Однимъ изъ лучшихъ рассказовъ его является „Le tapin“. Молодой человѣкъ, по приказанію своихъ родныхъ, при- ходитъ въ одинъ домъ на вечеръ. Его родные имѣютъ matrimonіальные планы — хотѣя его женить на одной изъ барышень въ этомъ домѣ. Но хозяйка, прежде чѣмъ молодой человѣкъ успѣлъ представиться, принимаетъ его за за- поздавшаго тапера, усаживаетъ за фортепьяно на весь вечеръ играть и въ концѣ выпроважи- ваетъ, вручивъ конвертъ съ платой за игру. При всемъ этомъ между молодымъ человѣкомъ и хозяйкой происходитъ тысяча самыхъ комич- ескихъ недоразу- мѣй. Въ другомъ рассказѣ повѣствуется о докторѣ, приглашенномъ къ тяжело больному ипохондрией. Докторъ, послѣ долгихъ распросовъ, совѣтуетъ, наконецъ, больному, ради исцѣленія, пойти смотрѣть игру знаменитаго комика, котораго видѣлъ наканунѣ. Совѣтъ этотъ отвергаетъ больной: оказывается, что именно онъ и есть этотъ комикъ. Сюжетъ рас- сказа не новъ, но онъ передаетъ Шарлемъ Фо- леемъ съ новымъ остроуміемъ.

Въ нѣмецкой литературѣ событіемъ дня счи- тается новъ я драма Зудермана „Іоаннъ“. Нема- ло помогли ей успѣху первоначальныя цензу- рныя затрудненія: цензура не хотѣла разрѣшить къ постановкѣ эту драму, и только, благодаря вѣштательству императора Вильгельма, она бы- ла поставлена въ Берлинѣ. Затѣмъ она шла съ большимъ успѣхомъ и на другихъ сценахъ Гер- маніи. Но главный интересъ ея все-таки не сче- ническій, а литературный. Зудерманъ, изобра- жая въ ней Іоанна Крестителя, изобразилъ во- обще всякаго Предтечу. Въ литературѣ, какъ и въ жизни народовъ, бывають такіе періоды, ко- гда необходимо примѣстие Мессіи, Освободите- ля, который бы далъ новую жизнь литературѣ. Такой періодъ переживаетъ литература теперь, и, какъ бы чувствуя приближеніе новой эры, большинство выдающихся германскихъ писа- телей охотно посвящаетъ свои силы изображенію предшественниковъ великаго. Такъ еще недавно Фришъ фонъ-Вильденбрухъ написалъ драму, ге- роемъ которой былъ Марло — предшественникъ Шекспира. Зудерманъ, талантъ болѣе могучій,

изъял и сюжетом для своей драмы более великую фигуру — Иоанна Крестителя. Съ замечательным реализмом рисует Зудерман историю нравственного переворота в жизни Крестителя. В первых действиях драмы это только суровый аскет, выражающий, главным образом, недовольство существующим и пришедший осудить настоящее. Он ждет Мессию, но в каком виде Он появится, Иоанн еще не знает. Слухи о новом Пророке из Галилеи только смутно доходят до него, и он отнесся к ним с недоверием. А тем временем Иоанн деятельно занимается обличением и приходит в храм с другими иудеями посылать камнями Ироду и Иродиаду, которые с несмысленною дерзостью хотят присутствовать при палачьином богослужении. Но перед самым появлением Ироды Иоанна воинакает спор с одним фарисеем о том, в каком виде должен появиться Мессия. И тут впервые случайно брошенное замечание одной из старух, ждущей Мессию у ворот храма уже соросъ лъть, что Мессия не может быть парнем, так как приходить к царям, а Мессия должен придти к беднякам и угнетенным, заставляя Иоанна вдруг понять — каков должен быть Мессия. Ему приходит в голову, что Мессия, вѣроятно, и есть тот галилейский Пророк, который проповедует любовь. И эта внезапная вѣра лишает Иоанна прежней его рѣшимости в обличении. В тот момент, когда он уже готов пустить камень во воевшего въ храм Ироды, Иоанн вспоминает, что, во имя высшей любви, слѣдует его простить. Камень выпадает изъ рукъ Крестителя. И вот приказывает заточить пророка въ тюрьму. Это центральный пунктъ всей драмы. Въ послѣднихъ двухъ действияхъ Иоанн окончательно убѣждается въ томъ, что галилейский пророкъ и есть ожидаемый имъ Мессия и принимаетъ мученическую смерть. В этой истории заключается собственно трагедия Предтечи. Но параллельно съ ней Зудерман рисуетъ другую трагедию — трагедию любви къ Иоанну дочери Иродиады, Саломеи. По замечанию нѣмецкихъ критиковъ, Саломея — это прототипъ другой зудермановской героини, Магды изъ «Роллинъ». Эта дѣвушка — хищная, неукротимая тигрица. Она влюбляется неукротимой страстью въ молодого аскета и во что бы то ни стало хочетъ его любви. Она приходитъ къ Иоанну въ темницу предлагать себя, а когда пророкъ въ гнѣвъ прогоняетъ ее, Саломея рѣшается ему жестоко отомстить, добивается его осужденія и въ неистовой ярости пляшетъ сначала вокругъ его отрубленной головы, а потомъ съ этою головою въ рукахъ, пока, наконецъ, не приходитъ въ полное изнеможение. Это зрѣлище ужасное по характеру. Саломея такъ правдива и ярка, что, надо думать, Зудерман въстрѣчалъ въ своей жизни именно такихъ кровавадныхъ, неукротимо страстныхъ женщинъ.

Достоинъ замечанія, что въ драмѣ Зудермана, несмотря на ея библейскую тему и несомненную примѣсь символизма, такъ какъ Иоаннъ не только Предтеча Христа, но, такъ сказать, предтеча вообще, типъ предтечи, все необыкновенно реально, правдиво и ясно. Въ ней нѣтъ простоты Ростана, который вывелъ въ своей «Самаритянкѣ» Христа, конечно, затѣмъ, чтобы поддержать религиозныя настроенія парижанокъ; нѣтъ и туманности, составляющей непримѣнную принадлежность всѣхъ пьесъ Гауптмана. Тѣмъ не менѣе, въ Германіи увлеченіе Гауптманомъ достигло своего апогея, и нѣмецкіе критики считаютъ, что Зудерманъ, действительно, только литературный предтеча, а настоящимъ Мессіей — Гауптманъ. Ходятъ слухи, будто бы модный писатель даже пишетъ новую драму «Мессія». Насколько авторъ «Потонушаго Колокола» на дѣлѣ сдержитъ обѣтованія, возлагаемыя на него, покажетъ будущее; но что у него уже теперь нѣтъ недостатка въ апостолахъ — тому свидѣтельствуютъ три книги, посвященные Гауптману и вышедшія на дняхъ, это «Forschungen zur neueren Literaturgeschichte» Бернара, «Gerhart Hauptmann» Адольфа Бартелса и «Gerhart Hauptmann» Пауля Шлентера. Въ особенности характерна книга Шлентера. Это очень обстоятельная біографія Гауптмана, его генеалогія (не особенно аристократическая), годы ученія, колебанія между скульптурой и драмой и, наконецъ, подробный комментарий ко всѣмъ его стихотвореніямъ и драмамъ, исторія ихъ постановки и успѣха и т. д. Словомъ, Шлентеръ, въ отношеніи тридцатилѣтняго Гауптмана, почти тоже, чѣмъ былъ Эккерманъ въ отношеніи Гете и Босвелъ въ отношеніи Диксона.

Нѣмецкая литература для легкаго чтенія обогащалась новыми сборниками старыхъ писателей. Пауль Гейзе издалъ свои стихи, а Фердинандъ фонъ-Сааръ свои «Австрійскіе рассказы».

Въ сборникъ Гейзе, помимо его юношескихъ стиховъ, посвященныхъ его женѣ, интересны новыя стихотворенія, написанныя въ самое послѣднее время и осмѣивающія новѣйшія литературныя явленія — туманность Ибсена, символизмъ Гауптмана и т. п., остроумно, но безъ злости. «Австрійскіе рассказы» фонъ Саара таинливый повѣсти о страданияхъ женской души. Передъ читателемъ проходятъ вереницы молодыхъ женщинъ, страдающихъ отъ замужества за стариками («Schloß Kostenitz», «Vae victis!», «Haus Reichwegg»), дѣвушекъ, брошенныхъ своими любовниками («Geigerin», «Geneva») и т. п. Нѣмецкая критика отнеслась очень сочувственно къ книгѣ фонъ Саара и говоритъ, что, какъ новеллистъ, онъ долженъ занять такое же почетное мѣсто, какое принадлежитъ ему, какъ лирику и драматургу.

Пауль Линда издалъ небольшую фантастическую повѣсть «Der König von Sidon». Нѣмецкій археологъ, по приглашенію своего константинопольскаго коллеги, ѣдетъ на раскопки въ Сидонъ. Раскопки обѣщаютъ быть очень интересными, и ученый тѣмъ охотнѣе ѣдетъ, что хочетъ покрыть себя славой. Онъ только что полюбилъ одну дѣвушку, и угадывая, уже съ корабля, письмо не чѣмъ ей предложить. Въ Сидонѣ дѣлать тутъ успѣшно. Молодой нѣмецъ отрылъ цѣлый рядъ греческихъ гробницъ, и когда его коллега, уставъ заниматься раскопками, возвращается въ Константинополь, остается одинъ. Тутъ онъ дѣлаетъ любопытнѣйшее открытіе. Онъ открываетъ гробницу царя сидонскаго, первосвященника Табинта. Но Табинтъ, въ надписи на могилѣ, проклялъ того, кто дерзнетъ ее вскрыть. Любимая женщина должна его покончить, разсудокъ его помутился и самъ онъ погибнетъ. И предсказаніе сбывается. Сначала археологъ получаетъ письмо отъ любимой имъ дѣвушки съ отказомъ, затѣмъ сходитъ съ ума, воображивъ себя сидонскимъ царемъ, и погибаетъ.

По странной случайности, сюжетъ этой чисто фелетонной повѣсти, о которой не стоило бы упоминать, еслибы авторомъ ея былъ не такой мастеръ стили, какъ Линда, напоминаетъ сюжетъ новой драмы Габриэля д'Аннуцио «Мертвый городъ», которая дѣлаетъ шума не меньше, чѣмъ «Иоаннъ» Зудермана и очень недавно шла въ Парижѣ съ Сарой Бернаръ и должна идти въ Италіи съ Дузе. Леонардъ съ сестрой Бланшъ-Мари и своимъ другомъ Александромъ, женатымъ на сѣлѣй Аннѣ, прѣзжаетъ въ Микены, съ цѣлью найти гробницу Агамемнона. Въ самомъ началѣ драмы мы узнаемъ, что Александръ любитъ Бланшъ-Мари. Они могли бы скрыть свою любовь отъ сѣлѣй Анны, но принципиальность этой послѣдней такъ велика, что, по множеству мелкихъ признаковъ, она догадывается объ ихъ любви. Она слына, не помнитъ своей красоты, не желаетъ мѣшать счастью любимой и хочетъ устранить себя. Объ этомъ узнаетъ Бланшъ-Мари, сознается въ своей любви къ Александру, но говоритъ, что пока она живица и умоляетъ Анну не покидать ее, такъ какъ Анна — предохраняетъ ее отъ зла. Собственно этимъ сценами и оканчивается лучшая часть трагедіи; далѣе начинается уже новоромантический сумбуръ, къ которому такъ наклоненъ д'Аннуцио. Приходитъ Леонардо и сообщаетъ о своей удачѣ. Ему удалось открыть могилу всѣхъ Атридовъ. Онъ, вмѣстѣ съ Атридами, Леонардо отрылъ и тѣ страсти, которыя владѣли несчастнымъ царскимъ родомъ древней Греціи. Самъ Леонардъ влюбляется въ свою сестру, и узнавъ о ея любви къ Александру, не желая, чтобы она досталась другому и не отказываясь на кровопролитіе, уводитъ Бланшъ-Мари въ горы къ Персею, источнику и тамъ дѣлаетъ ее и затѣмъ утопляетъ. Словомъ, разыгрывается настоящая античная трагедія со всѣми ея ужасами. Когда трупъ Бланшъ-Мари приносятъ къ Аннѣ, она, потрясенная ужасомъ, прорывается и ея восклицаніемъ, «Я вижу! я вижу!» кончается трагедія. Конечно, всѣ эти ужасы и нежданное прозрѣніе сѣлѣй, помимо непосредственнаго значенія, имѣютъ еще тайный символическій смыслъ: по такой туманной, что д'Аннуцио можетъ соперничать въ этомъ отношеніи не только съ новымъ пророкомъ Гауптманомъ, и Ибсеномъ, но даже съ специалистомъ по туманному ужасу — Метерлинкомъ.

Въ концѣ прошлаго года одинъ лондонскій журналъ напечаталъ переписку Мопассана. Она обратила на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ въ ней шла рѣчь объ одномъ любовномъ приключеніи французскаго писателя. Подъ названіемъ «Amitiѣ amoureuse», она обѣдѣла почти всѣ французскіе журналы и газеты. Сообщалась выдержки этой переписки и въ Россіи. Теперь нѣтъ Свифта доказывать весьма удѣбительнымъ образомъ, что вся переписка подложная, что это лишь романъ, сочиненный одной англійской

писательницей и только перепечатанный мѣлкими и фразами изъ сочиненій Мопассана для приданія болѣе правдоподобности поддѣлкѣ. Словомъ, съ Мопассаномъ протѣлали ту же прекрасную исторію, какую у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ протѣлали съ Надсономъ и небывалой графиней Лидой.

Въ январской книжкѣ «Revue des Revues» посвящены слѣдующія строки литературной дѣятельности Г. Вольскаго. Одно время «Сѣверный Вѣстникъ» былъ органомъ молодыхъ писателей, идеалистическаго направленія въ Россіи. Но Вольскій, стоявъ во главѣ этого журнала, скомпрометировалъ движеніе своимъ педантизмомъ и особенно своею безтактною и лично полемическою съ наиболѣе уважаемыми представителями другихъ литературныхъ направленій».

Въ той же книжкѣ «Revue des Revues» помѣщенъ переводъ отрывка изъ «Московскаго Сборника» оберъ-прокурора свѣтѣйскаго синода К. П. Побѣдоносцева «Общество и религиозное чувство», а съ февраля печатается переводъ «Холстобра» гр. И. И. Толстого съ иллюстраціями. Въ парижскомъ театрѣ «L'oeuette» былъ поставленъ «Ревизоръ» Гоголя въ переводѣ Пр. снѣра Мериме 1853 года. Къ сожалѣнію, артисты, игравшіе комедію, не поняли ея и разыгрывали какъ фарсъ. Также отнеслось и большинство критиковъ, за исключеніемъ только Р. М. Ферри изъ «Revue Hebdomadaire».

И. К.

П. А. Некрасовъ

Назначенный. Высочайшимъ приказомъ отъ 10-го марта текущаго года, попечителемъ московскаго учебнаго округа ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго московскаго университета, докторъ чистой математики, дѣятельный статскій совѣтникъ Некрасовъ, извѣстенъ своей ученой и педагогической дѣятельностью. Первая выразилась въ цѣломъ рядѣ выдающихся трудовъ, извѣстныхъ и за границей и касающихся чистой и прикладной математики. У многихъ свѣжа еще въ памяти полемика между берлинскимъ академикомъ Фуксомъ и профессоромъ Некрасовымъ по вопросу о такъ называемомъ, аналитическомъ продолженіи функцій, которая окончилась полной побѣдой русскаго ученаго. Очень важное значеніе для нѣкоторыхъ прикладныхъ наукъ — астрономіи, геодезіи, электротехники и друг. — имѣютъ работы профессора Некрасова о способахъ ршенія обыкновенныхъ алгебраическихъ уравненій съ весьма большимъ числомъ неизвѣстныхъ, а также изысканія о движеніи тяжелаго твердаго тѣла. Что касается педагогической его дѣятельности, которая продолжалась около двадцати лѣтъ, то и она достойна полного уваженія. Помимо чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій со студентами, онъ принималъ большое живое участіе въ трудахъ по московскому учебному округу. Въ университетѣ ему выпало на долю пробы всѣ учебно-административныя ступени, начиная отъ секретаря педагогическаго совѣта до ректора включительно. Въ теченіе ректорской службы онъ, слѣдуя канонамъ закона и правилъ и опираясь на авторитетъ власти, довѣрчиво пользовался всѣми здоровыми силами университета, объединяя ихъ дѣятельность, возбуждая ихъ энергію, — всѣмъ старался упорядочить университетское дѣло. Во время его ректорства отношенія студентовъ другъ къ другу, къ университетѣ и къ профессорамъ сдѣлались болѣе правильными, составъ инспекціи увеличился и качественно улучшился; при немъ же возбужденъ былъ вопросъ о расширеніи и перестройкѣ старыхъ вѣдъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій московскаго университета, было поднято и приволачено къ благотворному разрѣшенію дѣло обустройствъ студенческихъ общежитій, причемъ первоначальная, подробная разработка послѣдняго вопроса принадлежала ему же. Его официальный докладъ по упомянутому вопросу, основанный на всестороннемъ изученіи быта студентовъ, былъ изданъ правленіемъ университета, въ видѣ брошюры, подъ заглавіемъ «Объ организаціи общежитій и столовыхъ для студентовъ Императорскаго московскаго университета».

Павелъ Алексѣевичъ Некрасовъ происходилъ изъ духовнаго звѣнія и родился 8-го января 1853 года въ скромной семьѣ сельскаго священника рязанской епархіи. Среднее образованіе получилъ онъ въ рязанской духовной семинаріи, а отсюда, въ половинѣ 1874 г., поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета. По окончаніи здѣсь курса въ 1878 г., со степенью кандидата, П. А. Некрасовъ былъ оставленъ при университетѣ для